

Глядя на чуть возбужденное выражение лица Гай Не, Цзя И лишь раздраженно закатил глаза и бросил: Школа Мо проповедует всеобщую любовь и отказ от агрессивных войн. Об этом постулате слышал даже трехлетний ребенок, так что удивительного в том, что я об этом знаю? Но что за Врата Гостей, о которых ты только что упомянул? Об этом я слышу впервые. Разве у Школы Мо есть множество ответвлений? В исторических книгах об этом вроде бы не упоминалось.

Первую часть слов Гай Не понял, но дальше погрузился в полный туман: он понятия не имел, что такое исторические книги и никогда не слышал ни о каких ответвлениях. Однако, будучи выдающимся талантом своего поколения, он обладал способностью постигать суть, далеко превосходящую возможности обычных людей, и в общих чертах уловил смысл слов Цзя И.

Тем не менее, тот был прав: великая и грозная слава Школы Мо затмевала конфуцианство, легизм, даосизм и школу эклектиков вместе взятые. И раз уж Цзя Не слышал об этом от простых сельских мужиков и баб, не было ничего удивительного в том, что он тоже знал. Кивнув, Гай Не пояснил: Школа Мо существовала с древних времен, но лишь в эпоху нынешнего Гэцзы Мо Ди она получила широкое развитие и сменила свое изначальное название на Школу Мо. Заняв пост Гэцзы, Мо Ди разделил прежних последователей на пять подразделений: Врата Гостей, Врата Воинов, Врата И, Врата Дебатов и Врата Мастерства. Врата Гостей созданы специально для воспитания мастеров меча, и я как раз принадлежу к Вратам Гостей.

Цзя И удивился: Ты только что сказал, что мне стоит вспомнить о Вратах Гостей — неужели я тоже из них? И кто такой Гэцзы? Ты случайно не тот самый Гэцзы?

Гай Не долго пристально смотрел на Цзя И, наконец принял решение и, немного подумав, произнес: Гэцзы — это глава всей нашей Школы Мо, предводитель всех последователей Мо. Строго говоря, тебя можно назвать лишь наполовину человеком Школы Мо. Твой отец был последователем учения Мо, а также предыдущим Гэцзы Школы Мо. Поскольку он внезапно скончался, я поспешил на помощь и никак не ожидал, что сумею спасти тебе жизнь. Только жаль, что ты повредил мозг и ничего не помнишь. При жизни твой отец не хотел, чтобы ты, подобно ему, становился мастером меча, поэтому я и не рассказывал тебе обо всем этом.

Услышав это, Цзя И сурово спросил: Тогда почему ты рассказываешь мне об этом сейчас? Не боишься ли, что в Сяньяне меня ждет беда?

Гай Не вздохнул и горько усмехнулся: Хотя ты сейчас и потерял память, но стал даже сметливее, чем в те годы. Твой отец владел Жетоном Гэцзы, и тот человек попытался убить тебя наверняка ради этой вещи. Только он полагал, что твой отец передаст Жетон Гэцзы тебе, и убийство тебя ради его получения было бы проще простого. Кто же знал, что твой отец заранее предвидел беду и заблаговременно отдал Жетон Гэцзы на хранение мне, благодаря чему злоумышленник и не преуспел?

Заметив, что Цзя И слушает со всей серьезностью, он продолжил: Отыскав причинившего тебе вред человека, я собирался убить его одним ударом меча. Но наша Школа Мо всегда пропагандирует всеобщую любовь, к тому же он является опорой школы — просто поддался

минутной жадности, убивать его было бы жалко. Я заставил его дать клятву никогда больше не появляться у тебя на глазах и лишь тогда пощадил.

Это — Жетон Гэцзы. Если ты решишь вступить в Школу Мо, отныне ты станешь новым Гэцзы Школы Мо. Говоря это, Гай Не достал из запазухи жетон и протянул его Цзя И. На первый взгляд он казался обычной бронзовой пластиной, но на ней были выбиты изображения древних диковинных зверей, а посередине вырезано иероглифическое слово Мо.

Увидев, что Гай Не протягивает ему Жетон Гэцзы, Цзя И замахал руками и ногами, наотрез отказываясь: Какая еще Школа Мо? Меня это вообще не касается! К тому же у меня в жизни нет великих амбиций, я хочу лишь заняться торговлей оружием и сколотить состояние, чтобы стать богатейшим человеком в округе. А проливать кровь и жертвовать головой ради идеалов — это удел великих революционеров. Я же всего лишь мелкий городской обыватель, мне такую ношу не осилить!

Кто такой Гэцзы Школы Мо? Сверху должен следовать добродетели мудрецов, жить в хижине не шире трех чи, ступеням перед входом не положено быть выше трех ступеней, прохудившуюся соломенную крышу нельзя чинить, а прогнившие балки — менять. Есть разрешено из глиняных чашек, питаюсь лишь грубым рисом и жидкой кашей. Летом носить одежду из грубой конопли, зимой — оленью шкуру. После смерти гроб не должен быть толще трех цуней. И при этом еще приходится надувать щеки и притворяться богачом, когда другие говорят: Твою бережливость трудно соблюдать. На что нужно отвечать: Это суть укрепления корней и сокращения расходов, это путь к изобилию в домах народа.

В глазах Цзя И все это выглядело не иначе как проявлением мазохизма. Он с таким трудом совершил переход в этот мир, и пусть ему не суждено стать князем или первым министром, он точно не собирается навлекать на себя мучения ради пустого титула Гэцзы. Если согласиться на эту должность, то, выражаясь языком будущих поколений, он окажется из тех, кто сам ищет неприятностей на свою голову.

Гай Не нахмурился, видя столь яростный отпор, и решил не давить. Глубоко задумавшись, он промолвил: Если ты не хочешь, я не буду принуждать. Но Нож из Черного Нефрита можешь забрать с собой, однако отныне дела Школы Мо не будут иметь к тебе никакого отношения.

Заметив, насколько тот сговорчив, Цзя И испустил долгий вздох облегчения, сбросил камень с души и тихо проговорил: Старший Гай, вы, должно быть, очень близко знали моего покойного отца! Три года назад пропала моя матушка, не могли бы вы подсказать, как мне ее отыскать?

Услышав упоминание о матери, Гай Не резко развернулся, в упор уставившись на него. Его взгляд, острый как молния, вонзился в лицо Цзя И, а голос прозвучал холодно: В таком огромном мире отыскать человека, который намеренно прячется от тебя — разве это простое дело? Вместо того чтобы попусту тратить язык, лучше бы как следует овладел техникой владения клинком, чтобы не позорить доброе имя Москового ножа твоего отца! Когда придет день, и она сама захочет перестать прятаться от тебя, она появится. Иначе исходишь весь белый свет — и то не встретишь!

Речи Гай Не часто были крайне туманными, и стоило зайти разговору о самом важном, как он замолкал. Цзя И не слишком-то поверил его словам, но понятия не имел, почему мать вздумала скрываться от собственного сына. К сожалению, память была полностью утрачена, и он не мог придумать, чем возразить, поэтому лишь бросил: Ты что, так долго сидел взаперти, что соскучился по дракам и теперь хочешь оставить меня здесь, чтобы использовать в качестве живой груши для битья?

Оценив шутливый тон Цзя И, Гай Не чуть заметно улыбнулся: Да разве такой, как ты, достоин со мной тренироваться? Как насчет такого предложения? Сыграем в прежнюю игру: если сможешь своим длинным ножом коснуться края моей одежды, я не только не стану заставлять тебя оставаться, но еще и выдам дорожные деньги, чтобы ты смог добраться до Сяньяна, а?

Хотя на словах Цзя И отнекивался, мастерство Гай Не вызывало у него искреннего восхищения. В его нынешнем понимании техники клинка оставалось немало пробелов, и ему как раз требовались наставления искусного мастера, так что предложение Гай Не пришлось как нельзя кстати. В итоге оба обосновались в этой горной лощине. Каждый день едва забрезжит рассвет, как Гай Не вытаскивал Цзя И во двор и принимался обучать владению мечом. Все эти дни, сколько бы Цзя И ни просил о наставлениях, тот хранил молчание, лишь непрерывно нанося удары и не прекращая до тех пор, пока Цзя И не покрывался с ног до головы синяками и ранами.

Впрочем, Гай Не отлично разбирался в медицине: он замешивал какое-то зелье, накладывал на тело ученика, и к утру от ран не оставалось и следа. При столь суровых тренировках мастерство Цзя И в обращении с ножом росло с невероятной скоростью, заслуживая тайной похвалы даже со стороны Гай Не.

Каждый вечер Гай Не куда-то уходил, оставляя Цзя И одного в доме, чтобы тот в одиночку обдумывал приобретенный за день опыт и закреплял знания. Ровно через два часа Гай Не возвращался, неизменно принося с собой какую-нибудь дичь.

Так они провели в горной лощине целый месяц.

В этот день Гай Не не стал заставлять Цзя И тренироваться с мечом, а подозвал к себе, велел сесть и с тяжелым на сердце видом произнес: Я ухожу на некоторое время.

Цзя И легко выдохнул, мысленно празднуя окончание своих страданий, но за минувшие дни он успел заметить, что Гай Не, при всей своей немногословности и холодности, искренне заботился о нем. Видя мрачное выражение лица наставника, он с тревогой спросил: Куда ты отправляешься? Это опасно?

Услышав это, Гай Не вздохнул: Линнань. Опасно? Пожалуй!

Линнань! — тихо повторил Цзя И. — Это же дикие земли, зачем тебе туда?

Гай Не ответил невпопад: Ту Цюй мертв! Я только что получил известие: он устроил жестокую резню среди местных жителей в Линнани, попал в засаду и был убит отравленными стрелами местных жителей. На миг замолчав, Гай Не покачал головой и горько усмехнулся: Ту Цюй был редким полководческим талантом из Врат Воинов Школы Мо. Во время северного похода он говорил, что покорение сердец должно стоять на первом месте, а захват городов — на втором, к тому же всегда проявлял всеобщую любовь к ученым людям. Как же он мог допустить такой промах?

Цзя И понятия не имел, кто такой Ту Цюй, ничего не слышал о каком-то северном походе и тем более не знал, что сказать в такой момент, поэтому попросту промолчал.

Гай Не достал из запазухи мешочек, бросил его Цзя И и произнес: Здесь немного медных монет, снаружи за хижинкой тебя ждет лошадь. Держись все время на запад, выберешься из горной полосы — и окажешься внутри заставы. Моя поездка в Линнань может затянуться, береги себя и будь настороже, чтобы тебя не провели. Сказав это, Гай Не, не дожидаясь ответа Цзя И, поднялся и зашагал прочь.

На восточном краю небосвода забрезжил первый рассветный луч. Цзя И потер еще заспанные глаза, увидел пасущуюся под деревом лошадь, прилег вздремнуть еще ненадолго, а затем поднялся и спрыгнул с ветки.

В этих проклятых горах Цзя И безнадежно заблудился. Следуя указаниям Гай Не, он упорно двигался на запад, шагая по безлюдным горам уже больше десятка дней, но вокруг по-прежнему громоздились лишь горные цепи, и никаких равнин не было и в помине.

Все эти дни он питался главным образом лесными ягодами или изредка добытыми дикими кроликами. Огня развести было нечем, поэтому шкурки с кроликов приходилось сдирать, кромсать мясо Ножом из Черного Нефрита и есть сырыми ломтями. Если бы не богатый опыт выживания в дикой природе, накопленный в прошлой жизни, он бы давно слег, а одежда его превратилась в лохмотья.

Глядя на поднимающееся солнце, Цзя И решил сменить направление. Хотя Гай Не не стал бы его обманывать, в местах, где не встретишь ни души и невозможно отдохнуть, силы рано или поздно иссякли бы. Вспомнив карту родины из прошлой жизни, он прикинул, что находится где-то в районе Циньлиня, и теперь ему следовало повернуть на север. Выбравшись из гор туда, где жили люди, он сможет расспросить дорогу на Сяньян.

Приняв решение, Цзя И поехал верхом на север. Миновав по пути два горных хребта, он наконец увидел перед собой предгорья. Выбравшись из гористой местности, он заметил широкий трактовый путь и, ничуть не заботясь о своем взлохмаченном и грязном виде, во весь опор погнал коня вперед.